ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
НАШ САЙТ: denlit.ru

Целуя руки ветру и воде...

Нина ЯГОДИНЦЕВА

* * *

Холодно сердцу, не видно ни зги.
Жизнь воробьиного пёрышка легче.
Кто-то несёт по дороге навстречу
Белый светильник январской пурги.

Гогоча, из горла прихлёбывая,
прикладом стуча в окно,
Выгребая запасы осенние
из подвалов и с чердаков…
Да не боись, чего там –
ноябрь всегда таков.

Если воля и холод сойдутся –
родится смерть.
Ничком на овчинку неба
падает степь,
Серая, буранная пустота,
Но сердце уже не обманешь –
родная, та,

Где не за что ухватиться
душе слепой,
Где – если заплачешь,
в сердцах оборвут: "Не пой!".

Вода и ветер, ветер и вода...
Я выучила слово "никогда",
Но и его когда-нибудь забуду –
Забуду, как завьюженный погост,
Где снег лежал безмолвно
в полный рост,
И таял в небесах, и жил повсюду.

* * *

Покуда нет в тоске
таинственного брода,
Пока она стоит, как тёмный океан,
И ты на берегу, и так проходят годы,
Тебя из тишины зовя по именам, –

Покуда нет в тоске
ни паруса, ни лодки,
И скользкого бревна
не вынесет прибой,

Оберегая неровный огонь,
Вьются и стелятся тонкие ткани,
То приникая к мерцающей тайне,
То разлетаясь неровной дугой.

И заметают невидимый след,
И обнимают, и прячут в пелёны
Тьмою немыслимой усыновлённый
Свет одинокий, покинутый свет...

* * *

В средоточье города и мира
На туберкулёзном сквозняке
Что тебя спасло и сохранило,
Как ребёнок – пёрышко в руке,

Иногда, стремительно и кратко,
Словно лёгкий солнечный ожог,
Взглядывая на тебя украдкой
И опять сжимая кулачок?

В темноте невыносимо тесной,
Крылышками смятыми дрожа,
Замирала в муке бесполезной
Крохотная слабая душа:

Разве голос? – Где ему на клирос!
Разве сердце? – Купят, не соврут!
Но темница тёплая раскрылась
И открылось тайное вокруг:

Что ж, взлетай легко и неумело,
Где бессчётно в землю полегли...
Родина – таинственная мера
Боли и любви.

* * *

Я жизнь твоя,
я сон твой безымянный,
Припоминаньем спутанный к утру.
Не окликай Мариной или Анной –
Без имени умру!

Я жизнь твоя –
уже ненужный воздух.
Пыльца на крыльях смятых.
Детский страх
Не быть.
Я твой попутчик в поздних,
Непоправимо поздних поездах.

Под утро просыпаешься – пустое
Купе, сквозняк, озноб и тишина…
Я жизнь твоя – я ничего не стою,
Сама себе цена.

* * *

Охрана вооружена,
Дорога в белый сумрак брошена.
Вокруг такая тишина,
Что от неё не жди хорошего.

Январский холод зол и слеп,
И в полдороге – одинаково –
Кривая мельница судеб,
Крутая лестница Иакова.

По оба выросших крыла,
Куда бы злая блажь ни целила,
Зима в беспамятство слегла –
И ни кровинки на лице её.

Но с облаков наискосок –
Тонюсенький, вздохнёшь – и нет его,
Трепещет русый волосок
Луча залётного, рассветного…

Помилосердствуй же! И впредь,
Где горя горького напластано,
Не дай соблазна умереть,
Не допусти соблазна властвовать.

* * *

Город холодом набит,
Как мешок хрустящей ватой.
Не туманит, не знобит,
Но пылаешь виновато:
На Рождественский мороз,
На Крещенские оковы
Столько радости пришлось –
Нестерпимой, родниковой,

Обжигающей уста,
Занимающей дыханье,
Как дитя или звезда,
Или свет под слабой тканью
Ежедневной суеты,
Наспех сотканной вручную
За мгновенье до беды,
За полшага в жизнь иную...

* * *

Непогода пришла
как отряд батьки Махно:
А замёрзнешь,
тряхнут за шиворот: "Встань!"
Россия моя, Россия, свиданье тайн

Непостижимых!
Когда по снежной стерне
Ведут, матерясь, к обрыву
или к стене,
На сквозном перекрёстке
иных дорог
Свернут напоследок цигарку:
курни, браток...

И ты вдыхаешь дымок
и не помнишь зла.
О жизни ли горевать,
если всё – зола?
О смерти ли,
если даже махра – сыра?
Крайнему: докурите, а мне – пора.

* * *

Тоску твою свели на торжище,
Любовь забыли вспоминать,
Лица не узнают – но кто ж ещё
Так жарко может воспылать

От невесомого касания,
От золотого сквозняка!
Не покидай меня, спасай меня,
Веди меня сквозь облака,

Как ты сама идёшь – не каешься,
Не наклоняешь головы,
И только сердцу откликаешься
Среди губительной молвы.

* * *

Такси и музыка воровская,
Густеет ночь, а ехать далёко.
Звёздочка розовая у края
Горячего чёрного небостока.

А музыка рвётся в окно, тоскуя,
От слова к слову перелетая:
"Ах, полюби меня хоть такую –
Смотри, какая я молодая…".

Слушать нельзя,
а не слышать – мука,
Думать не о чем – сердцу горько.
Машина летит как стрела из лука,
И кажется, небо плывёт под горку.

И душно – как будто страну украли,
И пошло теперь уповать на милость,
И звёздочка розовая у края,
У самого края остановилась,

И музыка падает, нелюбима,
Мешая пыль со слюной и кровью…
Водила смеётся – его калыма
Не обломать никакой тоскою.

* * *

От прибоя тьмы до её истока
Лишь одна звезда – низко и далёко.

Горькое тепло опаляет губы.
Зеркало твердит: на тебе лица нет...
Тишина черна,
словно плащ Гекубы, –
Но одна звезда вдалеке мерцает.

Нежная сестра, ясная лампада,
Розовый огонь радости вечерней!
Лишь бы ты была,
лишь бы не пропала
В пепле и золе мировых кочевий!

Страх преодолев, прянуть на колени,
Ветви протянуть
и расправить листья,
Корни ощутить, а через мгновенье
Ветер налетит –
всласть наговоримся.

* * *

Целуя руки ветру и воде,
Я плакала и спрашивала: "Где
Душа его, в каких мирах отныне?".
Вода молчала, прятала глаза,
А ветер сеял в поле голоса,
Как прежде сеял он
пески в пустыне.

Когда бы знала я, в каких мирах
Его душа испытывает страх
Прошедшей жизни, тьмы её и светы,
Я возвратила бы её назад,
В исполненный цветенья
майский сад,
Где есть одна любовь,
а смерти нету...

И все слова пусты,
и все надежды кротки,
И ты на берегу,
и только Бог с тобой –

Покуда нет в тоске
рассвета и заката,
Зелёный сумрак сна
и каменная гладь,
Всё кажется: тебе
какой-то смысл загадан,
И если ты его сумеешь отгадать –

Как посуху пойдёшь!
И только Бог с тобою,
Когда из глубины, незримые почти,
Проступят, как прожгут
пучины под стопою,
Диковинных существ
холодные зрачки...

* * *

Вспомнил – и промолчи,
Вздрогнул – и успокойся.
Ангелы на покосе
Точат свои лучи.
Искрами бьёт по коже
Их незнакомый смех:
Гости-то не из тех
Мест – из других, похоже...
Песенок не поют,
Мёда на хлеб не мажут.
Лезвия отобьют –
То-то травы поляжет!

* * *

Ребёнок рябины,
веснушчатый, ломкий,
Неловко расставивший локотки,
На цыпочки встал
у разломанной лодки,
У тёмной реки.

На цыпочках, вытянув тонкую шейку,
Глядит зачарованно, не дыша,
На тихую воду, малиновый шелест,
Туман в камышах.

Аукают няньки, бегут на опушку –
Нашли! Обнимают, теребят, грозят
И горькие щёчки целуют: неужто
Не хочешь назад?

Не след бы младенцу
стоять у затона,
Где прошлая тайна его сторожит, –
Ему, несмышлёному,
слишком знакомо,
Как вечность бездонна,
Как время бежит.

* * *

Всю муку бессловесности,
весь белый
Простор Твоих несокрушимых зим
Я проживаю неизбывной верой
Непостижимым помыслам Твоим.

И в час, когда нечаянно и страшно
Откроются родные имена
Земных вещей –
о них уже не спрашивай,
Они прошли как пламя сквозь меня,

Прошли –
и словно накрепко прошили
Живую ткань неровные стежки…
Теперь Тебя я чувствую по силе
Тоски.

* * *

Нельзя ни на миг оставить одну
Эту полночь, эту страну,
Наилегчайший из всех даров –
Эту бессонницу на Покров.

Нельзя ни на миг! Но, закрыв глаза,
Я забываю про все "нельзя",
Я затеваю почти побег
Пламенем вдоль невесомых век.
Я прохожу по сырой траве
С белым лебедем в рукаве,
С тихим озером на душе –
И открываю глаза… Уже?
Да. Ни на миг. Разверни теперь
Белый свиток своих потерь.
Белым по белому – о былом:
Лебедь, бьющий о лёд крылом.
То-то зима в России долга!
Из году в год на Покров снега,
Да и какие мы сторожа –
Укараулишь тебя, душа?..

А другого, видно, нет пути

Диана КАН

* * *

…Морская канула в моря…
Марина Цветаева

Кровавые рябины справа.
Плакучие берёзы слева.
Твердят: "Марина, вы не правы!"
Тебе, Марина-королева!

Пеннорожденная морская –
В стихии тесной пресноводной
Обречена была такая
На смерть,
чтоб снова стать свободной!

Ты канула… О, если б в море!
Прощай, прикамское приволье!
Но это горе – всё ж не горе,
Лирическое своеволье!

Не горе, что не пожелала
Дурной эпохе стать служанкой.
А горе, горе, что не стала
Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела –
Как только б ты сумела! – Волгу
…С чувством меня научившие,
с толком
И с расстановкою петь,
Средняя Азия, Средняя Волга,
Встретимся ль, милые, впредь?

Да и какие вы средние, право,
Ежели не налегке
Насмерть форпостами
русской державы
Встали в судьбе и строке?

И – рассчитались
со мною сторицей…
Что ж, запевай "Бисмилля!",
Окровавлённая хищная птица –
Азия, песня моя!

* * *

Пуглив и странен,
диковат и тих,
До времени
державшийся в сторонке,
Меня подкараулит мой же стих,
Похож на нежеланного ребёнка.

То ли от попоищ
Калин – гулеван?

Калина жесточе
Не было и нет:
Русь довёл до точки,
Чёрен белый свет!

Тягловую долю
Вервием леча,
Льёт потоки крови
Цвета кумача.

За всех, кто за избытком дела
Века ей верен втихомолку.

Неизреченные напевы
Шального волжского прибоя,
Отвергнутая королева,
Ты унесла навек с собою.

* * *

Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы?
Как нам жить и быть теперь?..
Белокурый юный демон
Кофе мне принёс в постель.

Всё случившееся – в силе.
Всё у нас не как у всех:
Всю-то ночь проговорили
О стихах – и смех, и грех!

Н-да, неладно что-то с нами…
Впрочем, может, хорошо:
Так мы увлеклись стихами,
До греха и не дошло!

Я, наверное, жестока.
Но не более, чем он.
Я люблю Сапфо и Блока,
Он – в Есенина влюблён.

Среди классиков не тесно
Нам – совсем наоборот!
Разобраться бы с небесным,
А земное подождёт!

* * *

Улица сутулится под ветром.
Горбится под ливнем старый мост…
Ну, а я бегу, считая метры
До того, что невзначай сбылось.

Зонт мой нераскрывшийся,
что дальше?
Я не пожалею ни о чём,
Вымокнув под самым настоящим,
Самым майским проливным дождём.

Друг, меня предавший, ну и как ты?
Не печалься, что продешевил!
Нынче у меня достанет такта
Сделать вид, что ты меня простил!

Рыжий, словно око светофора,
Кот, глядящий ночью в лица звёзд,
Привязался, чтоб отстать нескоро –
Прихвостень, бродяга и прохвост!

…На сыром ветру роняя блёстки
Всем случайным-неслучайным вслед,
Ты дождись меня на перекрёстке,
Долгожданный мой зелёный свет!

* * *

На кобылу всадницу променяв
(Знать, в кобылах ты знаешь толк!),
Ты забудь, забудь про меня,
И про то, как ты одинок.

Увлекайся, по скачкам ходи.
Ведь бывает спасительной ложь!
А мечту схорони в груди –
Не тревожь её, не тревожь!

Никого в случившемся не виня,
Не вступай в смертельную эту игру.
Позабудь пришпорившую коня,
А люби кобылу гнедую Фру-Фру.

Тёплой мордой ткнётся в твоё плечо
(Много ль надо
расставшемуся с мечтой?)…
Ты целуй, целуй её горячо,
Как не смел меня целовать,
друг мой!

* * *

Ныне и присно уже не приснится
(Разве во веки веков!)
Волга – усталая синяя птица,
Дочь голубых родников.

Ты ль не поила
шальных атаманов?
Ты ль не топила княжон?
Не над тобой ли, от удали пьяной,
Царский штандарт водружён?

Так отчего же ты больше не вхожа
В странные песни мои?..
Азия, чёрная птица, итожит
Душу-добычу в крови.

В какой такой сторонке он возрос?
На стороне возрос… Моей родимой!
И сколько пролил безутешных слёз,
Покуда мать фланировала мимо!

Пережидая бедствие моих
Лирических любовных отступлений,
Эпических реваншей жаждет стих –
Дитя моих спонтанных вдохновений.

Напрасный труд –
надеяться и ждать,
Пока мамаша в небесах витает.
Увы, не повезло тебе на мать,
Но дети матерей не выбирают!

Что матерная ласка – сторона,
Ты пообвыкся на родной сторонке.
Как поживаешь, милый?.. Тишина
В ответ звучит заносчиво и звонко.

* * *

Велика кобыла – воду возит…
Сокол мал, но не тягаться с ним!
Срок настанет – сокол грянет оземь
И предстанет суженым твоим.

Он тебе напомнит, что когда-то,
Покидая свой небесный дом,
Ты была беспечна и крылата,
И негоже забывать о том!

Что ты в оправдание ответишь,
Суетясь попутно у печи?
Так, мол, вышло – народились дети.
Ну, а муж? Ищи его – свищи!

Да, была беспечна… Только печку
Ты никак не вправе укорять
Ни единым суетным словечком:
Не свекровь она – родная мать!

До всего всегда ей было дело.
Хоть пыхтела сгоряча порой,
Всё же приютила и согрела,
Наделив насущною едой.

Ну, а ты, хоть и кидалась оземь,
Вновь крылатой стать не довелось…
…И судьба-кобыла воду возит
На тебе, обиженной до слёз.

* * *

Что ты смотришь
с надменной насмешкой,
Теребя белопенную ветвь?
Ну, рассмейся в лицо мне –
не мешкай! –
Черноглазая дерзкая стервь.

Что тебе чья-то тихая нежность?
Не смутила пока что слеза
Щёк твоих первозданную свежесть
И колючие звёзды-глаза.

Всем ты в радость
и все тебе в тягость.
Без вины виноватых прости!
Ты ж моя ненагляда-загляда –
Это зеркало явно не льстит!

Разбивай покорённые души.
Рот змеиной усмешкой улыбь…
Только золото звонких веснушек
По ухабам чужим не рассыпь!

Сбереги для родного простора
И веснушки свои, и грехи,
И смешки, и словечки, что скоро –
Скоро вызреют в чудо-стихи.

Что мне твой скоротечный румянец,
Пламень губ, что сгорает дотла?..
Что мне хохота протуберанец,
Разбивающий вдрызг зеркала?..

В окруженье цветов белопенных
Ты покуда – никто и ничья,
Сколь заглядчива –
столь же мгновенна,
Звездоокая юность моя!

* * *

Загулял, однако,
На шальном пиру
Калин-царь, собака!
Яндекс. Точка. Ру.

То ли от побоищ
Калин злобно рьян?
Льёт, не зная сыти,
Заливает свет…
И на челобитье –
Батожьё в ответ!..

…Тщится нашу драку
Превратить в игру
Интернет-собака.
Яндекс. Точка. Ру.
Но в стране восточной,
Стороне родной,
Усмехнувшись, точка
Станет запятой.
С этой запятою
Сгинем не зазря
Даже под пятою
Калина-царя.
За пятой, за пядью
Отчины-земли
Не чужие дяди –
Сродники легли.
Сумеречь да сутемь
Затевают спор...
Унывать не будем,
Русский наш топор!
В щах не уварился.
Строил лучше всех.
И не затупился
О чужой доспех!

* * *

И смотрят последние астры в саду,
На то, как топиться хожу я к пруду…
Диана Кан (из первой книги)

Заживём в кувшинковом раю,
Милый мальчик,
всем другим на зависть…
…Бедный мальчик, баюшки-баю,
Я в реке живу, а не купаюсь…
Диана Кан (из второй книги)

В полуденном солнце сверкнув чешуёю,
Прощаюсь, прощаюсь,
прощаюсь с тобою…
Диана Кан (из третьей книги)

О себе, о любви, о России
Мне расскажет русалка моя…
Евгений Семичев

Волгой, Волгой, а потом Мологой.
Из Мологи прямиком в Китьму…
Я слыла когда-то недотрогой –
Чушь, непостижимая уму.

Я слыла капризною русалкой,
Искусив блаженством и бедой
Невзначай поймавших на рыбалке
Ту, что назовут своей судьбой.

Все они вели себя, как дети.
Волокли русалку под венец.
Для добычи расставляли сети
И – добычей стали наконец!

Ох, жена – не сыщешь расчудесней! –
Разменяла жизнь на ерунду.
Всё поёт неведомые песни
Да топиться бегает к пруду.

Всякая лягуха ей – царевна.
Всякий лотос – чуть ли не жених!..
Ну, а ты живи себе, как евнух!
Али не смирился, не привык?

…Не смирялись и не привыкали,
Становясь угрюмей и грустней…
И глаза их, полные печали,
Не забыть мне до скончанья дней.

Как с женой-русалкой ночи долги!..
В полнолунье не смыкая глаз
"Шла бы вниз по матушке, по Волге!" –
Думали, болезные, не раз.

Волжский взгляд русалий
с паволокой
Тоже манит по теченью плыть…
Ведь к первоначальному истоку
Ничего уже не возвратить!

Почему же супротив теченья
Плыть извечно я обречена?..
Реки, речки, реченьки, реченья…
Не упомню ваши имена!

…Волгой, Волгой, а потом Мологой…
Да не всё ль равно, куда идти,
Если сам к себе придёшь в итоге?..
А другого, видно, нет пути.

С судьбою не может быть торга...

Ярослав КАУРОВ

* * *

В кафе под навесом,
на солнце искристом,
Не в силах привыкнуть
к его янтарю,
Себя ощущая импрессионистом,
Смотрю,
преднамеренно долго смотрю

На то, как лениво разносят бармены
Имбирного чая бокалы со льдом,
Как улицы вьётся горячая вена,
И юностью грезит готический дом,

На мир,
состоящий из праздничных точек,
На время, застывшее словно вода,
Пока не растает последний кусочек
Прозрачного,
светом зажжённого, льда…

* * *

Светлы аллеи Переделкино,
Как будто Мекки небеса.
Мы смотрим
скорбных наших дел кино,
Меняя почты адреса.

И всё, что разумом расколото
Сольётся в этой синеве.
Как может быть зелёным золото?
А это солнце на листве!

Во мне законы мироздания,
Весь мир, что скроен наугад,

И обречённые создания,
Но больше, больше во сто крат:
Грехи, ошибки, заблуждения,
Интриги, заговоры, ложь,
Химеры, ужас, наваждения
И похоти святая дрожь.
Мы – это наше отношение
И с Богом разговор на ты,
Надежды, вера и свершения,
И позабытые мечты.
Душа раскается нетленная
Под шёпот мыслей-светлячков,
И тонет лодкою вселенная
На дне раскрывшихся зрачков.

* * *

В жару страстей на мятых простынях,
Ревнуя, ненавидя и хотя,
Как совращённый жрицею монах,
Тебя я прижимаю, как дитя.

Уж кубки драгоценные пусты,
А жажда продолжает донимать
И, как поток огня, из темноты,
Желание рождается опять.
И снова крик, метания и стон
Врастающих друг в друга влажных тел.
Из судорог тугой канат сплетён,
И, кажется, что наступил предел.
Но снова нежность порождает дрожь,
И лавой пламенной течёт гранит,
И на полёт падения похож
Наш танец, что по лезвию скользит.

Вот утро уж холодное пришло,
Мы пьём разлуки горькое вино.
Кареты ждут,
и дождь стучит в стекло,
И шпаге в ножнах душно и темно.

* * *

Уходит человек, но вместе с ним
Его друзья и братья умирают,
Те, с кем был славен он,
с кем был гоним,
Идут к придуманному ими раю.

Я вижу, как они вокруг стоят
Над самой неухоженной могилой,
Остановился удручённый взгляд,
Печален лик, лелеемый и милый.
Да он и сам ещё не раз умрёт
В тех душах, что его боготворили.
И повторится этот переход,
Подвластный
непреклонной Божьей силе.
Но у поэта жизнь в его стихах.
Его душа для сотен душ открыта.
Любовь его и совесть, гнев и страх
Притягивают с жадностью магнита.
Для этого он тратил столько сил,
Для них он жил,
для них он пел сердечно,
Со всеми теми, кто его любил,
Ему и умирать придётся вечно.

* * *

Я какой-то непутёвый,
Непутёвый шалопай,
И бедовый, и фартовый,
Да не вывела тропа.
Я, наверно, просто странный
И валяю дурака,
Все гуляют в ресторанах,
Я иду по кабакам.
И лежит моя дорожка
Там, где пыль да вороньё.
Посмотреть мою одёжку –
Это полное рваньё.
Есть чины и даже званья,
С виду здоровенный лось,
Ни семьи, ни состоянья
Мне нажить не удалось.
Работяга, не бездельник,
Озорной не по годам,
Если будет много денег,
Я ведь тут же их раздам.

По кустам петляет снова
Потаённая тропа.
Я какой-то непутёвый,
Непутёвый шалопай!

* * *

Благоухает и вздыхает
На ветвях влажная листва,
И пусть земля вокруг сухая,
Она поёт, она жива.
И ей так хочется молиться
В палящесолнечные дни,
И листьев радостные лица
Друзьями кажутся в тени.
В златой парче проходит лето,
Как император пред толпой.
Всё меньше трепетного света.
Всё больше черноты слепой.
Листва, страдая, опадает,
Свистит морозный суховей,
Шуршит, томленью сострадая,
В тоске заломленных ветвей.
Но сквозь решётку чёрных линий,
Что бьются взмахами крыла,
Мы видим неба всполох синий
И золотые купола.
Они во тьме светить нам будут,
В снегах, кострах ночных огней,
И мы оценим это чудо,
В страданьях нам они важней.
Так в тучные, хмельные годы
Мы не предчувствуем беды,
Влечёт нас чувственность природы,
Земли роскошные плоды.
А в голод нам важны примеры,
Их робкий шёпот улови,
Мечты, поэзии и веры
И вдохновенья и любви!

* * *

Менялись моря и причалы,
Был горек безрадостный путь,
Холодные слёзы печали
Теснили изнывшую грудь.
И вера ушла, и надежда,
Звучал одинокий мотив,
А сердцу хотелось как прежде
Забиться, себя ощутив.
Но внемлет открытою раной
Душа, устремлённая ввысь –
В мелодию звуки органа,
Как стоны вселенной, влились.
С судьбою не может быть торга,
Любви наступает пора,
И тёплые слёзы восторга
Осветят ещё вечера.